

В. де Бомон-Васси

**Тайные бумаги придворного
1770-1870**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. де Бомон-Васси**
Тайные бумаги придворного: 1770-1870 / В. де Бомон-Васси – М.: Книга по Требованию, 2014. – 188 с.

ISBN 978-5-458-10276-6

Тайные бумаги придворного 1770-1870

ISBN 978-5-458-10276-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нѣсколько минутъ спустя, благодаря любезности моего хозяина, я держалъ въ рукѣ драгоценный ключъ, и въ то время, когда на дворѣ громко трубили въ рога, въ знакъ отъѣзда охотниковъ, я тихо поднимался по ступенямъ большой каменной лѣстницы, которая вела въ библіотеку, находившуюся въ верхнемъ этажѣ замка. При входѣ туда и при первомъ взглядѣ на довольно обширную комнату, я уже могъ судить о характеристическихъ особенностяхъ и литературныхъ наклонностяхъ моихъ хозяевъ: вся сторона въ шкафахъ библіотеки, посвященная произведеніямъ современныхъ писателей, — Шатобриана, Ламартина, Вальтеръ-Скотта, Бальзака и Дюма, — была наполнена сочиненіями новѣйшей литературы всевозможныхъ направленій и, большею частью, отличалась хорошимъ выборомъ. Видно было, что вся эта часть библіотеки содержалась, повторяю, въ чистотѣ и аккуратности и что къ ней прибѣгали весьма часто. Напротивъ, другая часть, заключавшая въ себѣ огромные фоліанты и цѣлую плеяду авторовъ XVII и XVIII столѣтій, была покрыта почтенною пылью.

Я тотчасъ же направился къ картону № 27. Въ немъ находились двѣ большія связки; я вынулъ ихъ изъ хранилища съ большими предосторожностями и перенесъ на покрытый зеленымъ сукномъ столъ, стоявшій посреди комнаты; вокругъ него были размѣщены спокойные и удобные стулья. Я съ жадностью раскрылъ документы и нашелъ большое количество рукописей и другихъ бумагъ, а также оттисковъ, напечатанныхъ съ значительными ошибками, и въ высшей степени неправильно; они точно вышли изъ тайной и подпольной типографіи, имѣвшей, безъ сомнѣнія, цѣлю изданіе разныхъ запрещенныхъ сочиненій. Всѣ эти документы были подобраны по числамъ; я разобралъ ихъ по порядку, начиналъ, разумѣется, съ древнѣйшихъ.

Первая, раскрытая мною, связка относилась къ 1778 году. Она, казалось, была написана собственноручно дѣдомъ моего друга, — и вотъ въ чемъ состояло ея содержаніе, подъ мало объясняющимъ заглавіемъ: „Частный анекдотъ изъ придворной жизни при Людовикѣ XV“.

ГЛАВА II.

Шантелу во время ссылки герцога Шуазеля. — Окружавшія его лица. — Его тайная типографія. — Сочиненія, напечатанныя въ его кабинетѣ. — Знакомство съ нѣкоторыми изъ его сочиненій. — Анекдотъ по поводу его первой просьбы объ отставкѣ. — Странныя подробности.

Когда въ 1790 году герцогъ Шуазель былъ сосланъ въ Шантелу, онъ сдѣлался моимъ сосѣдомъ и жилъ среди великолѣпной обстановки. Я сочувствовалъ его политическимъ убѣжденіямъ и, во время великихъ политическихъ событій, въ которыхъ самъ былъ замѣшанъ, умѣлъ оцѣнить его качества. Я поѣхалъ въ Версаль посмотреть, что дѣлается при дворѣ и, на основаніи добытыхъ свѣдѣній, убѣдился, что король не запрещалъ другимъ лицамъ посѣщать его министра, съ которымъ онъ однако разстался вслѣдствіе весьма гласнаго разрыва. Я поѣхалъ въ Шантелу; герцогъ принялъ меня очень любезно, какъ оно и подобало такому важному человѣку, который, будучи въ немилости, очень радъ, что его не оставляютъ въ забвеніи. Напротивъ того, онъ былъ окруженъ лицами, составлявшими нѣчто въ родѣ небольшого двора, съ тѣхъ поръ, какъ они узнали, что ихъ посѣщенія не казались непріятными королю или, лучше сказать, что король дозволялъ ихъ. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ герцога, не было недостатка ни въ знатныхъ людяхъ, ни въ умныхъ собесѣдникахъ; его посѣщали поэты и писатели, а герцогиня Шуазель въ особенности любезно относилась къ аббату Делилю и аббату Бартелеми, автору Путешествія молодаго Анахарсиса.

Мнѣ рассказывали, что во время своего изгнанія, герцогъ занимался составленіемъ оправдательныхъ записокъ и другихъ мемуаровъ, онъ устроилъ въ своемъ кабинетѣ малenkій типографскій станокъ и печаталъ эти произведенія для собственнаго удовольствія.

Мнѣ очень хотѣлось поближе познакомиться съ этими интересными плодами литературныхъ досуговъ ех-министра, и мнѣ говорили, что они даже были показаны нѣсколькимъ привилегированнымъ лицамъ; но этихъ лицъ было весьма немного, а, съ другой стороны, я не желалъ прямо обращаться къ герцогу, такъ какъ это имѣло бы видъ просьбы объ оказаніи милости.

Я прибѣгнулъ къ окольному пути, и это средство помогло мнѣ исполнить мое желаніе. По временамъ герцогъ приглашалъ меня недѣли на двѣ или на три гостить у него въ замкѣ Шантелу; *) точно такія-же приглашенія дѣлались впрочемъ большей части лицъ знатныхъ фамилій въ провинціи; различіе заключалась только въ болѣе или менѣе продолжительномъ срокѣ пребыванія. По счастливому случаю, мнѣ какъ-то удалось въ прежнее время оказать важную услугу отцу секретаря герцога, молодаго человѣка, принадлежавшаго къ одной изъ туземныхъ фамилій. Къ нему-то я и обратился.

Я спросилъ его, не могу ли я, подобно другимъ, познакомиться съ бумагами, которыя герцогъ Шуазель печаталъ въ своемъ кабинетѣ лично при себѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что если бы я обратился къ герцогу, то, безъ сомнѣнія, получилъ бы позволеніе пользоваться всѣмъ, чѣмъ захочу; я возразилъ, что именно это и не считаю для себя удобнымъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, — прибавилъ я, — чтобы вы сообщили мнѣ на нѣсколько часовъ одинъ или два изъ этихъ интересныхъ документовъ, а я не замедлю возвратить ихъ вамъ по прочтеніи. Сами вы нисколько не будете компрометированы, тѣмъ болѣе, что ихъ уже показывали людямъ, гораздо менѣе меня заслуживающимъ довѣрія. Вамъ извѣстно, что я принадлежу къ числу ревностнѣйшихъ поклонниковъ герцога Шуазеля.

Онъ, казалось, колебался нѣсколько мгновеній, но я одержалъ верхъ.

*) Замокъ Шантелу (Chanteloup) былъ разоренъ во время революціи; въ настоящее время существуетъ только китайская нагода, украшающая паркъ.

Правда, я заплатился за это табакекою, украшенною брилльянтами,—подаркомъ одной чужеземной владѣтельной особы, стоившимъ, по крайней мѣрѣ, полтора ста лудоровъ: я счелъ долгомъ предложить ее ему и онъ принялъ съ живѣйшею благодарностью.

Мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы разсмотрѣть наиболѣе интересные для меня документы, и я предварилъ объ этомъ секретаря, обѣщавъ сохранять строжайшую тайну. Вотъ содержаніе рукописи № 1:

Въ началѣ 1760 года, т. е. лѣтъ за десять до своей ссылки, герцогъ точно также чуть было не впалъ въ немилость. Однажды утромъ, г-жа Помпадуръ говорила ему объ одной докладной запискѣ, касавшейся политическихъ дѣлъ и заключавшей въ себѣ нѣкоторыя соображенія, клонившіяся къ достиженію мира. Она просила герцога прочесть эту записку и высказать о ней свое мнѣніе: Онъ взялъ ее съ собою и прочелъ со вниманіемъ, котораго исполнѣ заслуживало такое важное порученіе. Нисколько не поддаваясь предубѣжденію, внушаемому политическими мемуарами, написанными лицами, которыя, изъ глубины своего кабинета, управляютъ европейскимъ равновѣсіемъ и, не зная ни обстоятельствъ, ни положеній, ни отношеній, ни людей, легко подчиняются порывамъ своего воображенія, — герцогъ нашелъ докладную записку, переданную ему фавориткой, лишенною всякаго смысла и выказывавшею полнѣйшее отсутствіе самыхъ простыхъ политическихъ свѣдѣній. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ отдалъ записку весильной маркизѣ и, не спрашивая даже, отъ кого она ее получила, высказалъ откровенно свое мнѣніе, посовѣтовавъ ей убѣдить автора, — если она припимаетъ въ немъ участіе, — не терять даромъ времени на сочиненія, относящіяся къ политическимъ дѣламъ, о которыхъ онъ, какъ видно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

До вступленія своего въ министерство, герцогъ совсѣмъ не зналъ г-на де-ла-Вогюйона. Онъ былъ посланникомъ въ то время, когда г. де-ла-Вогюйонъ получилъ званіе воспитателя дѣтей королевской фамиліи, и не имѣлъ никогда случая встрѣчаться съ нимъ. За нѣсколько времени до своего водворенія въ Версали, г. де-ла-Вогюйонъ явился къ нему однажды утромъ и осыпалъ его разными придворными любезностями, которымъ дипломаты очень хо-

рошо знаютъ цѣну. Герцогъ былъ весьма сдержанъ, и его собесѣдникъ какъ нельзя лучше понялъ, что будетъ совершенно бесполезно повѣрять ему свои намѣренія вступить въ министерство и получить мѣсто предсѣдателя совѣта при министерствѣ финансовъ, которое прежде занималъ его тесть, герцогъ Бетюнскій. Онъ чувствовалъ, что ему будетъ гораздо удобнѣе поговорить объ этомъ предметѣ съ г-жею Помпадуръ, у которой онъ часто бывалъ.

Авторомъ знаменитой докладной записки и былъ именно г. де-ла-Вогюйонъ.

Герцогъ Шуазель и не подозрѣвалъ этого; онъ даже предполагалъ, что означенное произведеніе принадлежитъ перу какого нибудь подчиненнаго лица. Г-жа Помпадуръ, съ добродушнымъ, но крайне неосторожнымъ, довѣріемъ, передала г. де-ла-Вогюйону сужденіе герцога о его запискѣ и его политическомъ талантѣ. Этимъ самымъ она обнаружила, что онъ напрасно такъ рассчитывалъ на свои министерскія способности. Съ той поры, г. де-ла-Вогюйонъ, затаивъ въ себѣ ненависть, сталъ въ глубинѣ сердца питать къ герцогу вражду, порожденную высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ и обманутыми надеждами. Герцогъ Шуазель не обращалъ вниманія на то, что воспитатель королевскихъ дѣтей болѣе въ нему не приходилъ и даже избѣгалъ съ нимъ говорить, если имъ приходилось случайно встрѣтиться.

Между тѣмъ, въ іюнѣ того же года, герцогъ однажды увидѣлъ, что, послѣ собранія министровъ, дофинъ передалъ королю, въ его уборной, какую-то бумагу. Вечеромъ онъ замѣтилъ, что король казался смущеннымъ. Смущеніе короля продолжалось и на другой день, и герцогу стало явнымъ, что король не обходится съ нимъ съ своею обычною привѣтливостью. Послѣ охоты, когда весь дворъ возвратился въ Версаль, онъ замѣтилъ, что г-жа Помпадуръ также была печальна и сдержана. „Я сопоставилъ, — говоритъ герцогъ. — выраженіе ея лица и лица короля и, нисколько не подозрѣвая, что могъ играть какую либо роль въ обстоятельствахъ, приводившихъ въ смущеніе такихъ высокихъ особъ, имѣлъ любопытство освѣдомиться о причинѣ ихъ тревоги. Я обратился къ г-жѣ Помпадуръ и просилъ ее объяснить мнѣ, что породило то пасмурное облако, которое омрачило ея чело и

чело короля. Она старалась уклониться отъ прямого отвѣта; я началъ ее упрашивать, выказавъ все мое участіе къ ней; она увѣряла меня, что между ею и королемъ не произошло никакой серьезной сцены. Видя, что она ничего не хочетъ сказать, я рѣшился выждать болѣе удобной минуты для удовлетворенія моего любопытства. Эта минута наступила на другой день...

„Каково было мое удивленіе, когда г-жа Помпадуръ спросила меня, не имѣю ли я въ чемъ нибудь упрекнуть себя въ отношеніи къ королю! Теперь уже я не могъ болѣе сомнѣваться: именно я былъ причиною того неудовольствія, о которомъ пытался разузнать, и мое любопытство увеличилось пропорціо-нально моему собственному интересу...

„Я не поскупился на упрёки за то, что она, въ продолженіи трехъ дней, зная о дѣлѣ, такъ сильно меня интересовавшемъ, не добилась позволенія рассказать мнѣ все; она извинялась, оправдываясь тѣмъ, что король взялъ съ нея слово ничего мнѣ не говорить. Она могла только посовѣтовать мнѣ припомнить хорошенько, не сдѣлалъ ли я чего-нибудь, что могло бы въ высшей степени не понравиться королю. Я съ жаромъ возразилъ, что припоминать мнѣ было рѣшительно нечего, что я не имѣлъ ни одной мысли, въ сферѣ моихъ служебныхъ обязанностей, которой не могъ бы довѣрить королю. Она снова заклинала меня опомниться и перебрать въ умѣ все, что я дѣлалъ, будучи министромъ и сказать ей, спустя нѣсколько времени, все, что пришло мнѣ на память. Она говорила, что если бы я отгадалъ причину гнѣва короля, то ей представилась бы полная свобода отвѣчать утвердительно; что если я не догадаюсь, то она попроситъ позволенія открыть мнѣ тайну и надѣется получить его. Моя гордость была крайне возмущена такого рода допросомъ, я безъ околичностей объявилъ это г-жѣ Помпадуръ; но ея кротость усмирила мою вспыльчивость, а любопытство узнать, чѣмъ окончится вся эта исторія, заставила меня согласиться на все и допустить ту инквизиторскую форму, которую мнѣ навязывали“.

Герцогъ былъ увѣренъ, что не имѣлъ ни одной мысли, противной чувству долга. Однако, не смотря на то, что онъ былъ новичкомъ въ дѣлахъ совѣсти,—какъ онъ самъ иногда въ шутку говаривалъ,—онъ тщательно разобралъ все, относившееся къ его служебнымъ обязанностямъ и уваженію къ

королю, и нашелъ совершенные пустяки: во первыхъ, онъ выдалъ награду одному посланнику при заграничномъ дворѣ. въ виду того, что по его мнѣнію, ее слѣдовало выдать какъ можно скорѣе,—не получивъ на это королевскаго предписанія, хотя на слѣдующемъ же собраніи министровъ предписаніе было вручено ему королемъ. Во вторыхъ, онъ написалъ довольно ироническое письмо канцлеру польскаго короля, г. де-ла-Галезьеру. Герцогъ Шуазель не могъ скрыть отъ себя, что въ этомъ случаѣ онъ также мало щадилъ польскаго короля, какъ и его канцлера. Онъ думалъ, что канцлеръ, чрезъ посредство королевы, пожаловался на него королю, и что это несчастное письмо послужило поводомъ къ неудовольствію государя.

На другой день герцогъ снова пріѣхалъ къ г-жѣ Помпадуръ и сообщилъ ей о результатахъ изслѣдованія своей совѣсти. Маркиза замѣтила ему, что онъ совѣтъ не отгадалъ своей настолцей вины, но что, согласно своему обѣщанію, она сегодня же выпроситъ позволеніе сообщить ему причину всей этой исторіи; онъ убѣждалъ ее сдѣлать это непременно, прибавивъ, что каковъ бы ни былъ поводъ къ „изслѣдованію совѣсти“, онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы это никогда болѣе не повторилось.

Возвратясь домой, герцогъ дѣйствительно сталъ приготавливать свой докладъ королю и присоединилъ къ различнымъ документамъ небольшую записку объ общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ, которую намѣревался представить для подписи и которая оканчивалась его просьбою объ отставкѣ.

Только что успѣлъ онъ уложить бумаги въ портфель, съ намѣреніемъ отправиться на другой день въ Версаль, какъ пріѣхала къ нему г-жа Помпадуръ, сопровождаемая г. Беррье, съ извѣстіемъ, что король позволилъ показать ему докладную записку, переданную дофиномъ; отдавая эту бумагу, дофинъ сказалъ королю, что она была вручена ему мимоходомъ въ пріемной залѣ, вмѣстѣ съ письмомъ, за подписью совѣтника парламента, жившаго на углу улицы du Вас и Университетской, и что сказалъ совѣтнику, что самое лучшее, по его мнѣнію,—это передать записку королю.

Прежде всего, герцогъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ дофинъ могъ получить и докладную записку, и письмо, проходя черезъ пріемную залу, и какимъ образомъ удалось ему такъ хорошо запомнить адресъ совѣт-

ника и даже взять на себя трудъ отвѣтить ему. „Хотя все это кажется мнѣ очень смѣшнымъ,—прибавилъ герцогъ,—но я считаю долгомъ прочесть эту докладную записку“.

Дѣйствительно, онъ прочелъ ее и сохранилъ оригиналь, который, какъ онъ узналъ впоследствии, былъ написанъ рукою нѣкоего отца Кильбефа, іезуита, гувернера малолѣтняго Сень-Мегрена, сына г. де-ла-Вогюйона.

Докладная записка обвиняла герцога Шуазеля въ томъ, что онъ имѣлъ съ означеннымъ совѣтникомъ совѣщаніе, на которомъ, изображая іезуитовъ виновниками происходящихъ смуть, увѣрялъ его, будто они погибли во мнѣніи короля и всѣ стремленія правительства клонятся къ уничтоженію общества, котораго вредъ оцѣнили слишкомъ поздно; что это вполне согласовалось бы съ видами короля, который до сихъ поръ оставался въ нерѣшимости, но былъ бы весьма доволенъ, если бы его парламентъ, сознавъ все зло, причиненное обществомъ іезуитовъ, и устрешенный бѣдствіями, могущими грозить впоследствии, уничтожилъ его до основанія.

Возвратясь въ Парижъ, совѣтникъ, по словамъ той же записки, имѣлъ совѣщаніе съ нѣкоторыми изъ своихъ сочленовъ; не трудно было догадаться, что министръ открылъ свои планы не только ему одному, но и другимъ лицамъ, и что послѣднимъ были хорошо извѣстны предполагаемые виды правительства. Между тѣмъ, необходимо было условиться въ образѣ дѣйствій: одни считали достаточнымъ отобрать отъ іезуитовъ ихъ коллегіи, другіе находили это средство ни къ чему не ведущимъ. Министръ разсѣялъ ихъ сомнѣнія, лично предложивъ мѣры, которымъ необходимо было слѣдовать во что бы ни стало. По его мнѣнію, іезуитовъ необходимо было разгромить при помощи ихъ же доктрины и злоупотребленій, господствовавшихъ въ системѣ воспитанія, въ особенности представивъ ихъ обществу опаснымъ по его организаціи и немислимымъ среди просвѣщеннаго правительства; не пренебрегать ни однимъ фактомъ, въ которомъ они обвинялись; наконецъ просить перваго президента представить королю копію съ подлиннаго изложенія событій, врученнаго общему собранію палатъ, и домогаться его разрѣшенія на окончательное искорененіе такого зло-вреднаго общества.

Прочитавъ эту записку, герцогъ возразилъ г-жѣ Помпадуръ и г. Беррье,

что онъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія при видѣ такой лжи, что все, въ нему относящееся, не заключаетъ въ себѣ ни одного слова правды, что въ свое время онъ дастъ надлежащее разъясненіе приводимымъ фактамъ, но теперь, прежде всего, считаетъ своимъ долгомъ оставить министерство, ибо не можетъ болѣе служить государю, имѣющему такъ мало довѣрія къ нему и его личной привязанности, не сообщившему ему ни слова о взведенной на него клеветѣ и повѣрившему какой то запискѣ, переданной дофину мимоходомъ, въ приѣмной залѣ, человѣкомъ, до сихъ поръ остающимся неизвѣстнымъ; сегодня же онъ подастъ королю прошеніе объ отставкѣ и письменно испроситъ разрѣшенія явиться къ нему съ докладомъ.

Тщетно г-жа Помпадуръ и г. Беррье употребляли всѣ свои усилія отклонить герцога отъ его намѣренія; въ ихъ присутствіи, онъ написалъ письмо, которое отправилъ къ королю, сказавъ имъ, что какъ только Людовикъ XV приметъ его прошеніе, онъ тотчасъ же передастъ роковую записку парламенту, въ собраніи собранія палаты.

Г-жа Помпадуръ, въ сопровожденіи своего спутника, поспѣшила прямо къ королю съ цѣлью предупредить его о всемъ происшедшемъ, а герцогъ Шуазель, въ назначенный часъ, направился въ кабинетъ короля, предварительно положивъ докладную записку въ портфель, и вполне убѣжденный, что пріѣзжаетъ съ докладомъ въ послѣдній разъ.

Вотъ какимъ образомъ передаетъ онъ въ мемуарахъ, напечатанныхъ въ его кабинетѣ, въ высшей степени замѣчательную, сцену: „Уже при входѣ въ кабинетъ короля, я былъ увѣренъ, что г-жа Помпадуръ предупредила его о происшедшемъ мною разговорѣ; я нарочно старался придать себѣ хладнокровный видъ, не желая дать королю замѣтить мое волненіе, хотя и былъ возмущенъ до глубины души. Я представилъ для подписи нѣсколько частныхъ бумагъ, относившихся къ дѣламъ министерства, прочелъ составленную мною въ тотъ же день небольшую докладную записку о современномъ положеніи дѣлъ, послѣ чего вынулъ изъ портфеля мемуаръ, переданный дофиномъ; и сказалъ, что, безъ сомнѣнія, по поводу его государь ожидаетъ объясненія, которое я имѣю честь ему представить; что все тутъ написанное противъ меня,

съ начала до конца,—самая гнусная клевета, что никогда я и не думалъ о такомъ проектѣ; никогда не говорилъ тѣхъ словъ, которыя мнѣ приписывались; въ виду недовѣрія, оказаннаго мнѣ королемъ въ данномъ случаѣ, я прибавилъ, что, разумѣется, онъ точно также не обратитъ вниманія и на мое увѣреніе въ томъ, что этотъ мемуаръ есть просто результатъ интриги противъ его министра; я просилъ короля даже не вѣрить мнѣ на слово, но дозволить, на основаніи непреложныхъ доказательствъ, разсмотрѣть истину, и если будетъ доказано, что я подалъ хотя малѣйшій поводъ къ обвиненію, высказанному въ запискѣ, то подвергнуть меня заслуженному наказанію; если же обвиненіе во лжи, высказанное мною противъ клеветниковъ и ихъ соучастниковъ, окажется справедливымъ, то пусть и на ихъ долю выпадетъ то же возмездіе.

„Король дозволялъ мнѣ говорить, не прерывая меня ни однимъ словомъ. Онъ прикрылъ глаза руками и казался глубоко огорченнымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что розыскивать истину бесполезно; что онъ вѣритъ мнѣ. Я осмѣлился возразить, что довѣріе его ко всему, высказанному мною по поводу моей чести, выразилось слишкомъ поздно; что было достаточно заподозрить ее хотя на одну минуту, и что уже нѣсколько дней тому назадъ наступила настоящая пора разъяснить все дѣло какъ слѣдуетъ. Я продолжалъ въ томъ же тонѣ, говори, что такъ какъ министръ, при отправленіи своихъ обязанностей, не долженъ подвергаться различнымъ юридическимъ формальностямъ и рисковать быть ими компрометированнымъ при разсмотрѣніи дѣла, то и умолялъ короля принять мою просьбу объ отставкѣ. При этомъ я представилъ краткое обзорѣніе состоянія принятыхъ мною дѣлъ, а также и положенія, въ какомъ они находились въ минуту оставленія мною службы. Я сказалъ, что если не сдѣлалъ добра, то могъ гордиться тѣмъ, что не сдѣлалъ зла, и въ заключеніе просилъ, въ награду за мое усердіе на службѣ, только одного: дозволить мнѣ разъяснить въ парламентѣ сущность докладной записки; исполненіе моей настоящей просьбы составляло единственный предметъ моихъ желаній.

„Я держалъ въ рукѣ обѣ бумаги, въ одной заключалась просьба объ отставкѣ, въ другой просьба о разрѣшеніи перенести дѣло въ парламентъ. Король взялъ обѣ бумаги, разорвалъ ихъ и сказалъ мнѣ съ видимою добротою, нѣсколько